

Елена Ржевская

БЕРЛИН,

МАЙ

Записки военного переводчика

1945

Е. Ржевская

Елена Моисеевна Ржевская Берлин, май 1945. Записки военного переводчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55846992

Берлин. Май 1945:

ISBN 978-5-906999-36-8

Аннотация

В мае 1945 года среди руин павшего Берлина был обнаружен и идентифицирован обугленный труп Гитлера. Юная военная переводчица, гвардии лейтенант Елена Каган, прошедшая войну от Ржева до Берлина, оказалась непосредственной участницей этих событий. Но лишь 20 лет спустя писательница Елена Ржевская смогла рассказать о том, как это было. Ее книга «Берлин, май 1945» вышла с большими цензурными купюрами, однако даже в таком урезанном виде произвела сенсацию, раскрыв «тайну века». И только сейчас эта легендарная книга выходит в полной авторской версии. Сохранившиеся в личном архиве Ржевской воспоминания ключевого свидетеля, благодаря которому фюрер был опознан, публикуются впервые.

Содержание

Предисловие	9
Берлин, май 1945	12
Голос документов	12
За Варшавой	17
В последние дни	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Ржевская

Берлин. Май 1945

Тексты «Берлин, май 1945» © Е. Ржевская, наследники, 1965, 2020.

«В тот день. Поздней осенью» © Е.Ржевская, наследники, 1986, 2020.

Мемуары Кете Хойзерман © Käthe Heusermann, Erben.

Перевод © Л. Сумм

Предисловие © О. Будницкий

Предисловие © Л. Млечин

Предисловие © Л.Сумм

© ИД «Книжники», 2020

© Е. Кравцова, оформление, 2020

В мае 1945 года советские войска взяли Берлин. Они искали Адольфа Гитлера – живого или мертвого! В трех метрах от входа в бункер, где фюрер укрывался последние недели существования Третьего рейха, в воронке от бомбы, засыпанной землей, советские офицеры обнаружили сильно обгоревший труп. Но можно ли его опознать?

Когда вы начнете читать легендарную книгу, которая сейчас у вас в руках, она будет держать вас в напряжении, как настоящий детектив.

Елена Каган, переводчик штаба 3-й ударной армии, штурмовавшей Берлин, училась в знаменитом московском Институте философии, литературы и истории – пожалуй, лучшем гуманитарном вузе того времени, воспитавшем целое поколение интеллигенции. Из ИФЛИ ушли на фронт не только юноши, но и девушки.

Гвардии лейтенант Елена Каган, пройдя от Ржева до Берлина, вернется с войны с боевыми наградами. По количеству награжденных боевыми орденами и медалями среди народов Советского Союза евреи (малочисленная этническая группа) находились на четвертом месте – после русских, украинцев и белорусов...

Но и после войны, став писательницей Ржевской, Елена долго не сможет рассказать о том, что видела своими глазами: цензура! А она участвовала в опознании трупа фюрера. Нашлась ассистентка стоматолога, который лечил зу-

бы Гитлеру. Сравнение сохранившихся челюстей со схемой зубных протезов, что начертила эта ассистентка, показало: обугленный труп принадлежит именно ему.

Но тогда Сталин даже от маршала Жукова скрыл сообщение о том, что труп Гитлера найден. Много лет спустя Елена Ржевская встретится с опальным маршалом. Запись беседы – тоже в этой книге...

То ли вождь не поверил, то ли считал полезным по внешне-неполитическим соображениям делать вид, будто Гитлер еще жив и где-то скрывается. На Потсдамской конференции Сталин заявил, что труп Гитлера не найден и фюрер укрылся, видимо, в Испании или в Южной Америке.

При жизни Гитлер был во многом обязан своими успехами противникам. Они вели себя так глупо и неумело, что он оказывался в выигрыше. После его смерти Сталин предоставил фюреру возможность вести потустороннюю жизнь. И по сей день многие уверены, что Гитлер не покончил с собой, а бежал и вместе с преданными соратниками готовился к реваншу...

Ныне Гитлер повсюду: книги о фюрере, фотоальбомы, фильмы, компьютерные игры заполнили рынок. В витринах немецких книжных магазинов бросается в глаза роман под названием «Он вернулся». Сюжет: пробуждение фюрера в Берлине в наше время. Возвращение Гитлера – метафора происходящего на наших глазах. Что-то такое витает в воздухе!

Люди, которые исповедуют взгляды фюрера, на подъеме едва ли не по всему миру. Поэтому так важно прочитать книгу Елены Ржевской – о том, что такое война и чем она заканчивается.

Леонид Млечин

В Берлине, май 1945. Из личного архива Елены Ржевской

Предисловие

Олег Будницкий¹

Когда началась война, студентке Литературного института и одновременно знаменитого ИФЛИ Елене Каган шел 22-й год. Летом 1940 года Елена рассталась с мужем – поэтом Павлом Коганом, который тоже учился в Литературном институте. Их фамилии различались лишь одной буквой, и друзья в шутку называли пару Кокаганами. Павел был признанным лидером группы молодых поэтов. Елена писала прозу. Ни строчки еще не напечатала, как, впрочем, и Павел.

Их дочери Ольге в июне 1941-го шел второй год. В июле малышку отправили в эвакуацию в Новосибирск с родителями Павла. Елена с первых же дней войны пошла работать на Второй московский часовой завод: изготавливать не часы, а гильзы для патронов. По вечерам занималась на курсах медсестер.

Окончив курсы, Елена поняла, что выпускниц, не имевших практического опыта, отправляют в тыловые госпитали. А она рвалась на фронт. Со второй попытки, в октябре 1941 года, ей удалось записаться на курсы военных переводчиков, так что Елену Каган зачислили в Красную армию, и уже 15

---

¹ О.В. Будницкий, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

октября она вместе с другими курсантами сошла с парохода «Карл Либкнехт» в Ставрополе-на-Волге. Здесь в санатории «Лесное» находился эвакуированный из Москвы Институт военных переводчиков.

Среди курсантов, прибывших тем же пароходом, был и Павел Коган. По близорукости он не подлежал мобилизации, однако тоже нашел свой путь в армию через курсы военных переводчиков. Павел погибнет в бою под Новороссийском меньше чем через год. Первая книга Павла Когана выйдет через 18 лет после его гибели.

Через три с половиной года после добровольного вступления в Красную армию переводчик штаба 3-й ударной армии гвардии лейтенант Елена Каган пересекла границу Германии. Задачей оперативной группы, в которую входила Елена, было найти – живым или мертвым! – инициатора этой войны Адольфа Гитлера.

Об обстоятельствах обнаружения и идентификации трупа Гитлера и рассказывается в этой книге. Гвардии лейтенант Елена Каган стала после войны писательницей Ржевской, выбрав псевдоним в честь города, под которым начался ее фронтовой путь. «Берлин, май 1945» впервые выходит в том виде, в каком задумала книгу Елена Ржевская, без пропусков и умолчаний, а также с приложениями и комментариями, открывающими неизвестные до сих пор широкому читателю обстоятельства дела.

Гитлер хотел исчезнуть, превратиться в пепел, стать ми-

фом. Не получилось. Его обгорелые останки 8 мая 1945 года вскрывала майор медицинской службы Анна Яковлевна Маранц, исполнявшая обязанности главного патологоанатома 1-го Белорусского фронта. Поскольку сейфа под рукой не оказалось, хранить зубы Гитлера, сложенные в коробку то ли из-под парфюмерии, то ли из-под дешевых ювелирных украшений, командир группы поручил Елене Каган. Добавив, что она головой отвечает за содержимое коробки, в которой находилось единственное стопроцентное доказательство идентичности обгорелого трупа. «Весь этот день, насыщенный приближением Победы, было очень обременительно таскать в руках коробку», – вспоминала Елена.

В самом страшном кошмаре не могло привидеться фюреру, приложившему столько усилий для истребления евреев, что одна еврейка будет копать в его внутренностях и описывать анатомические особенности его трупа, включая неаппетитные подробности, вроде отсутствия левого яичка, а другая – таскать коробку с его челюстями и досадовать, что они мешают ей отпраздновать капитуляцию Третьего рейха.

Возможно, Бог все-таки существует.

Берлин, май 1945

Голос документов От автора

Эта книга – о лично пережитом.

Я не специалист-историк, не исследователь. Я – писатель. Я не могла бы замыслить работу об исторических событиях, исследовать общественные явления, с которыми никак судьбой не связана. Это личная книга, опирающаяся на документы. В ней рассказано о подлинных фактах и событиях, и у нее имеется подлинная сквозная фабула: итоги войны, поиски и обнаружение мертвого Гитлера, опознание его и расследование обстоятельств его самоубийства, в чем автор принимал непосредственное участие в качестве военного переводчика. Думаю, что главное в такого рода вещах – достоверность. Точность, достоверность – самая большая сенсация.

Сложилось так, что никто другой из участников тех исторических событий не присутствовал в них на всех этапах, мне же это выпало, потому что нельзя обойтись без переводчика. И никто из участников никогда не брался за перо, не

намеревался писать и на этот раз. Возлагались надежды, что я напишу, поскольку возвращаюсь по демобилизации в Литинститут. Я и сама не мыслила оставить это скрытым, и собственное молчание угнетало, но эти факты стали в разряд государственных тайн, и за разглашение – от семи до пятнадцати лет заключения. Многовато. Приходилось молча наблюдать, как искажается история, делясь только с близкими друзьями.

После смерти Сталина в 1954 году я отнесла рукопись в журнал «Знамя». Рукопись приняли, но послали за разрешением печатать в МИД. Мне показали резолюцию МИДа: «На ваше усмотрение». Брать на свое усмотрение главный редактор В. Кожевников не захотел, он сказал ратовавшим за рукопись сотрудникам: «Об этом нигде не писалось, почему мы должны быть первыми? И вообще, кто она такая?» Я была «человеком с улицы».

Рукопись все же напечатали². В ней остались все подробности самоубийства Гитлера, Геббельса, было рассказано о выносе и сжигании трупа Гитлера в воронке. Словом, всё, кроме того, что Гитлер был обнаружен в этой воронке, идентифицирован. Это было изъято. Но при следующей публикации «Записок военного переводчика» мне удалось обойти

---

² Ржевская Е. В последние дни // Знамя. 1955. № 2. – Здесь и далее звездочками отмечены примеч. науч. ред., если не оговорено иное. Цифрами обозначены примеч. автора.

цензуру, восстановить изъятое и включить его в состав книги «Весна в шинели»³. И эта публикация помогла мне, когда я долго и, казалось, безнадежно добивалась допуска в засекреченный архив.

На исходе сентября 1964 года двери секретного архива наконец открылись передо мной. Я вновь встретила с документами мая 1945 года, под многими из которых стояла моя подпись.

Документ, на расстоянии лет в особенности, обладает повышенным художественным воздействием. Сама стихия – документы – может поглотить, побудить довериться им полностью. Но ошибется тот, кто поддастся этому соблазну, абсолютизирует их, поставит знак равенства между документом и фактом. Совсем не каждый документ – факт, и даже факт – еще не вся правда. Важен контекст. Данные сталкиваются, противоречат друг другу, сшибаются. В этих живых, драчливых взаимоотношениях документов я бывала подчас арбитром, зная многое из того, что осталось за их пределами.

Оснащенная этими уникальными документами книга «Берлин, май 1945» первым изданием вышла у нас в стране в 1965 году. Под названием «Конец Гитлера без мифа» (или же «Конец Гитлера без мифа и детектива») эта книга переводилась на итальянский, немецкий, венгерский, финский,

---

³ Ржевская Е. В последние дни (Записки военного переводчика) // Ржевская Е. Весна в шинели. М.: Советский писатель, 1961. С. 111–168.

японский и еще многие языки.

В первом издании «Берлин, май 1945» я сделала примечание: «Публикация приведенных в этих записках документов (показания, акты, дневники, переписка и др.) впервые осуществлена автором этой книги». Ради сохранения этого принципа я, возможно, порой поступалась интересами читателя, не приводя уже известные тексты, такие как личное и политическое завещание Гитлера, и только скупно упоминая о них. Я давала исключительно те документы, которые разбирала в начале мая 1945 года в рейхсканцелярии и впоследствии в штабе армии, а также документы, обнаруженные мной в засекреченном архиве за двадцать дней интенсивной работы в сентябре 1964 года.

Одним из наиболее существенных моих открытий стала публикация фрагментов из найденного дневника Геббельса, что дало толчок розыскам немецких историков, воплотившихся в итоге в четырехтомной публикации его тетрадей по предоставленным из нашего архива микрофильмам⁴.

В настоящее время стали общедоступными и переведены на множество языков тексты, к которым я пробивалась

---

⁴ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. Hersg. von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbundung mit dem Bundesarchiv. Munich: K. G. Saur Verlag, 1987. В предисловии издатель Эльке Фрёлих ссылается на мою книгу, послужившую толчком для розыска этих дневников. Приводимые мной выписки из дневника заново сверены с оригиналом по этому изданию.

впервые, с огромным трудом, через препоны государственной тайны и цензуры. И теперь я не вижу необходимости обеднять повествование ради принципа первой публикации и считаю вполне возможным и нужным использовать также и другие документы, опубликованные ранее или помимо меня.

После первого издания книги со мной вступали в переписку другие участники поисков, обнаружения и опознания Гитлера, в том числе руководивший судебно-медицинской экспертизой его останков Ф. И. Шкаравский. Они дополнительно оснащали меня теми подробностями, которые были тогда в их сфере деятельности. Их письма составляют мой личный архив и с наибольшей полнотой использованы в нынешнем издании.

Е. Ржевская

За Варшавой

В конце 1944 года 3-ю ударную армию, в штабе которой я была военным переводчиком, перебросили в Польшу. Впервые за войну наша армия передвигалась по железной дороге. Проехали Седлец. В раздвинутые двери теплушки я увидела освещенное оконце с елочкой на подоконнике. Рождество.

Три года мы шли по земле, где было лишь одно – война. А там, за этим промелькнувшим незанавешенным оконцем, – какой-то незнакомый быт, пусть тяжкий, придавленный, скудный, но все ж таки быт. Он волновал и томил мыслями о мире.

А впереди была Варшава. О ней рассказывать надо отдельно; здесь, мимоходом, не буду совсем.

Мы въезжали в Варшаву из предместья Прага, отделенного от города Вислой. Морозный туман поднимался с берега, застилая разрушенный город. У понтонной переправы часовой в конфедератке тер замерзшие уши. Рухнувшие в Вислу подорванные мосты горбатыми глыбами вставали из воды. Польские солдаты выгребали в понтонах воду.

То, что представилось нам на том берегу, никакими словами не передать. Руины гордого города – трагизм и величие Варшавы – навсегда сохранятся в памяти.

После боев за Варшаву войска нашего фронта, развивая

успешное наступление, стремительно продвигались вперед. Мы мчались мимо старых распятий, висевших по сторонам дороги, и деревянных щитов с плакатом, изображавшим бойца, присевшего перемотать обмотки: «Дойдем до Берлина!»

В дороге нас настиг приказ о дневке в Н. (название забыла). От этого населенного пункта в памяти остались бесприютный облик его небольших продырявленных домов; жестяная тусклая вывеска булочной – «Pieczywo», раскачивающаяся на телеграфном проводе; незатворяющиеся, съехавшие с петель двери да хруст стекла и щебня под ногами.

Через шесть дней после освобождения Варшавы наши части овладели городом Бромберг (польский Быдгощ) и ушли вперед, преследуя отступающего противника. На улицах было необычайно оживленно. Все польское население Быдгоща высыпало из домов. Люди обнимались, плакали, смеялись. И у каждого на груди красно-белый национальный флажок. Дети бегали взапуски, и визжали что есть мочи, и приходили в восторг от собственного визга. Многие из них и не знали, что голос их обладает такими замечательными возможностями, а другие, те, что постарше, позабыли об этом за пять мрачных лет гнета, страха, бесправия, когда даже разговаривать громко было не дозволено. Стоило появиться на улице русскому, как вокруг него немедленно вырастала толпа. В потоках людей, в звоне детских голосов город казался весенним, несмотря на январский холод, на падавший снег.

Вскоре в Быдгощ стали стекаться освобожденные из фашистских лагерей военнопленные: французы, высокие сухощавые англичане в хаки. Итальянцы, недавние союзники немцев, теперь оказавшиеся тоже за проволокой, сначала держались в стороне ото всех, но и их втянуло в общий праздничный поток.

Заняв мостовые, не сторонясь машин, шли русские и польские солдаты, обнявшись с освобожденными людьми всех национальностей. Вспыхивали песни... Вот пробирается по тротуару слепой старик с двухцветным польским флажком на высокой каракулевой шапке и желтой с черными кружками нарукавной повязкой незрячих. Он вытягивает шею, жадно ловя звуки улицы.

Вот подвыпивший польский солдат ведет под руки двух французских сержантов. А освобожденный из плена американский летчик в защитного цвета робе и без шапки останавливает всех встречающих и счастливо, весело смеется.

На перекресток выходил глухой узкий переулок; праздничный поток не проникал туда. По переулку растянулась вереница людей со скарбом, нагруженным на тележки, салазки, на спины. Это были немцы-хуторяне, снявшиеся со своих мест и двигавшиеся бог весть куда. Поляк-подросток на коньках во главе небольшой ватаги мальчишек преградил им дорогу. Пожилая немка, укутанная поверх пальто в тяжелый плед, старалась что-то разъяснить ему, а он исступленно колотил палкой по узлам со скарбом и кричал: «Почему не

говоришь по-польски? Почему не умеешь говорить по-польски?» Я взяла его за плечо: «Что ты делаешь? Оставь их». Он поднял лицо – злоба и слезы в глазах. Посмотрел на меня, вернее, на мой полушубок и звездочку на шапке и отъехал в сторону. Но издали он тревожно поглядывал на нас. Ему казалось недопустимым, чтобы немцы сегодня беспрепятственно ходили по земле после всего, что было.

Праздничной волной нас вынесло снова на простор улицы. Здесь людей объединяло щедрое чувство свободы, и в этот день никому ничего не жаль было друг для друга.

Мы не заметили, как вместе с людским потоком оказались у черты города. Навстречу по шоссе двигалась колонна с сине-бело-красным полотнищем впереди. Когда колонна подошла ближе, мы разглядели французских военнопленных в истрепанных шинелях и среди них – женщин, укутанных в одеяла, в мешковину и просто в лохмотья. Это были еврейские женщины из концлагеря. Все десять километров от лагеря до города французы несли поклажу своих спутниц. И хотя поклажа была немудреной, но известно, что иголка – и та весит, когда измученный человек долго в пути.

Кто-то из бойцов крикнул: «Да здравствует свободная Франция!» Французы бросились к нему. А старый ирландец-сержант, сняв широкополую шляпу, на которой красовался выпрошенный на память у русского солдата наш гвардейский значок, обращаясь к французам и к нам, произнес

короткую горячую речь на своем языке.

Здесь людей объединяло щедрое чувство свободы, и в этот день никому ничего не жаль было друг для друга...

Примерно на четвертый день после того, как наши войска освободили Быдгощ и погнали противника дальше на запад, а в городе осталось всего лишь несколько наших подразделений, было получено сообщение: немцы с севера готовятся к контрнаступлению на город.

Дело было к ночи, когда комендантские патрули привели задержанного ими «языка». Это был перемерзший солдат, в шинели до полу, с головой, замотанной дамским шарфом, как это водилось у немцев. Преодолев первый испуг, едва обогревшись, немец засуетился, стаскивая с себя шинель и шарф. Под шинелью оказалось пальто с кротовой горжеткой, под пальто – узкое платье, лихо задрапированное на бедре, под шарфом – развившиеся соломенные волосы.

Словом, это была женщина, а не солдат, – Марта Катценмайер, из немецкого публичного дома на Флюндерштрассе, 15. Она бежала вместе с ночевавшим у нее солдатом. Тот вскоре сдался в плен, а она, хватив холода и одинокого кочевья, повернула назад. Навстречу ей шли машины с красноармейцами, и кто-то из сидевших в кузове сжалился над бабенкой, трусившей в тощем пальто, и сбросил ей трофейную шинель.

Вот вкратце ее история. Она родилась на исходе Первой мировой войны. Рано лишилась матери, а отец, военный ин-

валид и пьяница, женившись вторично, отдал дочку в сиротский приют. При выходе из приюта Марта Катценмайер, согласно новым нацистским законам, была подвергнута экзамену. Ей следовало ответить на вопросы: когда родился Гитлер, когда родились его родители, какая разница между столом и стулом, когда была открыта Америка и т. д. В общем, очень много вопросов, и девушка сбилась, перепутала что-то. Была назначена переэкзаменовка. И снова она растерялась, провалилась. Эрбгезундхайтсамт⁵ сочло ее неполноценной, и, по закону Гитлера, Марту обесплодили, чтобы не было от нее порчи для расы. По этому же закону ей воспрещалось выходить замуж. Только мужчина старше сорока пяти лет мог получить разрешение жениться на ней, да еще такой же, как она, обеспложенный. Позор и убожество вышвырнули ее из жизни и привели в публичный дом.

Мы таращили глаза. Пожалуй, мы даже не читали такого. Она оживлялась от расспросов, от внимания к ней, от того, что в комнате было тепло, ловким движением взбивала волосы. «Фрейлейн лейтенант, поверьте, как тяжело, когда нельзя выйти замуж! И потом, я хотела бы иметь молодого мужа». Ругала жизнь в Бреслау, где их дом посещался строительными рабочими, скупыми и грязными. Другое дело здесь, в Бромберге, на бойкой дороге с Восточного фрон-

---

⁵ Ведомство по определению здоровой наследственности (нем.). «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями» был принят в июле 1933 года.

та в фатерлянд. «Если солдат имеет урлаубсшайн⁶ и хочет спать всю ночь, он платит сто марок. Ах, солдаты с фронта всегда имели много денег». Здесь ей удавалось откладывать про черный день, на старость. И как знать, если бы дела по-шли и дальше так же успешно, может быть, собрав кое-какой капитал, она завела бы собственный гешефт.

Она все не умолкала. Мы молчали, подавленные, оглушенные.

Марта Катценмайер ушла. Где-то совсем близко ударили тяжелые орудия.

Ночью противник пытался контратаковать. И когда наконец наши войска соприкоснулись с противником и атака его захлебнулась, хотя и следовало ждать повторения ее, все стало привычным, ясным, потому что тревогу рождала неизвестность.

Утром я зашла в комендатуру. Задержанные ночью комендантским патрулем германские подданные – монахиня Элеонора Буш с большим накрахмаленным козырьком на лбу и танцовщица из кабаре Хильда Блаурок – ожидали, пока проверят их документы. Монахиня терпеливо рассматривала голую стену. Хильда Блаурок, приподняв юбку, достала из чулка флакончик духов, смочила руки, поиграла пальцами перед глазами, понюхала ладони, облизала широкие губы, поправила на лбу модный узел из шерстяной шали, тряхнула длинными стеклянными серьгами и заходила по комна-

---

⁶ Отпускное удостоверение (нем.).

те упругой походкой.

Появилась заспанная Марта Катценмайер в зеленой солдатской шинели, волочившейся за ней по полу; из-под шинели выглядывали худые ноги в перекрученных чулках. Польский служащий вернул документы монахине, окликнул Марту и спросил ее адрес. Марта, боясь быть снова задержанной, попросила разрешения оставить здесь шинель и направилась к столу, держа в руках большие солдатские ботинки с железными скобами.

Танцовщица кабаре, услышав название улицы, известной публичными домами, откинулась к стене и расхохоталась хрипло, по-мужски. Монахиня, боясь улыбнуться, втягивала синюю нижнюю губу.

Сидевший на стуле боец сказал Марте Катценмайер по-русски громко, как глухой:

– Упразднили, тетенька, твою специальность, – и отдал Марте ее свидетельство.

В опустевшую проходную вбежала худенькая женщина, тоже немка, беженка. Она разыскивала ребенка, пятилетнего мальчика, которого потеряла вчера на станции.

Пока польский служащий звонил в районные комендатуры, она сидела на скамье, стиснув руки.

Казалось, те, что были сейчас здесь до нее, – тени, а это ворвалась сама жизнь, с горем, с отчаянием, с бедствиями войны.

Телефонные переговоры не дали ничего положительного. Женщина поднялась, будто ничего другого и не ждала, — она была тоненькой и очень молодой, совсем девочка, — медлила уходить. Видно было по ней, страшно ей шагнуть за порог и опять остаться одной и бежать бог знает куда со своим отчаянием.

— О господи, как холодно! — вырвалось у нее.

В первые часы после взятия Быдгоща, когда стихавшая вьюга еще мела по улицам, загроможденным транспортом, а на перекрестке горожане весело растаскивали немецкий кондитерский магазин, приполз слух: где-то за два квартала отсюда какая-то немка-старуха пыталась поджечь дом, и теперь ее труп коченеет на пороге. Девчонки смеялись над польским солдатом: он старался проехать посреди площади на дамском велосипеде и свалился в снег, — а пересекавший улицу мимо нашей застрявшей в пробке машины другой польский солдат достал из кармана коробочку шоколада и протянул мне: «На вот, не скучай!» В эти первые часы я видела, как из огромного здания тюрьмы выходили на свободу заключенные. У опустевшего бурого здания и во дворе тюрьмы в полном форменном облачении уже возникли бывшие польские тюремные надзиратели, потерпевшие при немцах, кичась своим патриотизмом, — ведь даже эту тюремную форму польского государства было запрещено хранить, — и смиренно готовые к прежней службе.

В ожидании контрастступления противника Быдгощ заметно суровел. Из Москвы прилетели ответственные за репатриацию лица. Все, кто вышел из бромбергских лагерей, кто находился тут в подневольных трудовых колоннах, должны были собраться вместе для отправки на родину. О, как отчетливы были национальные судьбы в те дни. Русские военнопленные, брошенные за проволоку на голодную смерть, истязания. Поляки – страдалцы концлагерей. Горестные тени, меченные желтой звездой на спинах, – случайно уцелевшие узницы женского еврейского лагеря. И, рядом, лагерь французских, английских военнопленных с другим режимом: сюда приходили посылки с родины, здесь даже ставились самодеятельные спектакли.

Дружно и охотно расходились люди на пункты репатриации, стремясь быстрее домой. Дух освобождения вторгся в город и заразил даже взятых в плен солдат противника. Группа их построилась, желая также следовать на пункт репатриации. «Мы – австрийцы», – заявляли они. Мне приходилось объяснять им: «Господа, к сожалению, вы солдаты армии противника».

Покидая Быдгощ, чтобы двигаться дальше, мы в последний раз ехали по его нешироким уютным улицам, между старыми домами серого камня. В белесом свете раннего зимнего утра темнели островерхие крыши костелов.

Впереди группа мужчин очищала от снега тротуары.

Подъехав ближе, мы увидели: на лацканах их пальто нарисована мелом свастика. Это по решению городского магистрата после всего, что было, немцы должны выйти на уборку улиц.

Нам ли не понять ожесточения поляков. Ведь насильственная германизация Польши – это закрытие польских школ, вышвыривание из квартир, проезд только в прицепном вагоне трамвая и многое, многое другое. Это истребление нации унижением, голодом, лагерями. Как же не понять нам их чувства – нам, прошедшим сквозь страшные невзгоды, сквозь смерть и разрушения по чудовищным следам фашистского бесчинства.

Сколько раз мы говорили себе: неужели это может остаться без возмездия, неужели они не понесут кару за все? Неужели наша ненависть не будет удовлетворена мщением?

Но эти темные, угрюмые фигуры, эти опознавательные значки, рисованные на людях мелом... Тяжесть этого впечатления помню до сих пор.

Всего день, кажется, просуществовало это городское постановление. К черту, к черту такое удовлетворение!

Шоссе на Познань. Бесснежная равнина; разутый мертвый немецкий солдат, вмерзший в землю; павшие кони; белый листопад сброшенных нами перед наступлением листовок; солдатские каски, вороньем темнеющие на поле боя. Ведут пленных. Нарастающий артиллерийский гул. Идет наше войско – вторые, третьи эшелоны. В чехлах несут знаме-

на. Машины, конные повозки, кареты и пешеходы, пешеходы, пешеходы... Все пришло в движение, бредет по дорогам Польши. В кузове машины вздрагивает старик, сидя на стуле. На обочине дороги, едва посторонясь машин, поляк целует женщине руку. Две монахини с огромными белоснежными накрахмаленными козырьками упорно шагают в ногу. Женщина в траурном крепе тянет за руку мальчика.

Только кое-где полосы снега. Холодно. По бокам дороги – деревья с белыми от извести стволами.

В городе Гнезно в семье электромонтера мне показали письмо, тайно доставленное из Бреслау: «Чи идон росияне, бо мы ту умерамы?»⁷

9 февраля наша армейская газета вышла под шапкой: «Страшись, Германия, в Берлин идет Россия».

В Польшу фашистские вооруженные силы вторглись перед рассветом 1 сентября 1939 года. Осуществив свой первый «блицкриг», немцы отторгли от Польши большую часть ее земель, присоединили их к рейху. Оставалась небольшая территория, объявленная немцами «генерал-губернаторством». «Суверенитет над этой территорией принадлежит фюреру великогерманской империи и от его имени осуществляется генерал-губернатором»⁸, записал в свой днев-

---

⁷ «Идут ли русские, а то мы тут умираем?» (польск.)

⁸ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками.

ник новоиспеченный генерал-губернатор Франк (этот дневник станет одной из главных улик против него на Нюрнбергском процессе). И еще около года назад, в марте 1944 года, генерал-губернатор Франк заявлял: «Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: „Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил сто пятьдесят тысяч поляков“, то он бы сказал: „Прекрасно, если это было необходимо“»⁹.

Борман в октябре 1940 года записывал:

Фюрер подчеркнул еще раз, что для поляков должен существовать только один господин – немец: два господина один возле другого не могут и не должны существовать; поэтому должны быть уничтожены все представители польской интеллигенции. Это звучит жестоко, но таков жизненный закон. Генерал-губернаторство является польским резервом, большим польским рабочим лагерем... Если же поляки поднимутся на более высокую ступень развития, то они перестанут являться рабочей силой, которая нам нужна.

Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения, – учил Гитлер своих сообщников. – Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь

– грубо говоря, это моя задача ¹⁰.

На путях наших войск был открывшийся в те дни миру ад Треблинки, Майданека, Освенцима и многих других лагерей смерти.

Бойцы взламывали ворота, рубили кабель, гнавший ток по колючей проволоке. То, что открылось за воротами концлагерей, казалось, не может вместить человеческий разум. Сотни тысяч замученных, убитых, задушенных. А тот, кто еще дышал, был обречен на смерть от голода, от телесных и нравственных истязаний.

Войска 1-го Белорусского фронта, день ото дня набирая темп, взламывают оборону противника. Танки вгрызаются в густо эшелонированный оборонный массив и движутся дальше, предоставляя пехоте закреплять успех наступления. Главные ударные силы неотступно преследуют противника, и в прорыв грозной лавиной устремляются войска, расширяя фронт наступления. Противник не выдерживает навязанного ему темпа войны, оставляет города, не успевая разрушить

---

¹⁰ «Оперативной группой НКВД в Берлине в одном из сейфов разрушенного здания канцелярии Гитлера обнаружен документ, содержащий заметки Бормана о беседе, состоявшейся 2 октября 1940 года на квартире у Гитлера, об обращении с польским населением. При этом представляю перевод документа» (Из заметки Бормана о беседе с Гитлером на тему о Польше 2 октября 1940 года. Разослано тов. Сталину, Молотову, Маленкову, Микояну. 17 ноября 1945 г. № 1288/6 // ГАРФ. Ф. Р-9401 «Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР)». Оп. 2. Д. 100. Л. 484–490. Подлинник находится в НКВД СССР).

их, кое-где даже бросает невзорванными переправы. Но чем дальше в глубь Польши, чем ближе к германской границе, тем упорнее сопротивляется фашистская армия.

В оставляемых противником населенных пунктах все чаще громадные буквы на стенах домов – гитлеровское предупреждение полякам о затемнении: «Licht – dein Tod!»¹¹ На стенах и дверях домов, на трамваях, в служебных помещениях и квартирах расклеен плакат – черный силуэт, нависающий над маленьким человеком: «Pst!» Тсс! Молчи! Враг подслушивает!

Недалеко от Познани мы остановились в пустом доме. На ночном столике в полированной рамке мальчик в восторженном оцепенении скрестил руки на животе. Его отец, балтийский немец Пауль фон Гайденрайх, читал Новый завет и драмы Шиллера. В его письменном столе лежала копия документа, который в октябрьскую ночь 1939 года Пауль фон Гайденрайх, ворвавшись в сопровождении немецких полицейских в этот благоустроенный особняк, предъявил владельцу. И тот прочел, что по распоряжению немецкого бургомистра ему, польскому архитектору Болеславу Матушевскому, владельцу особняка по бывшей улице Мицкевича, 4, надлежит немедленно вместе с семьей оставить дом. Разрешается взять с собой две смены белья и демисезонное пальто. На сборы отводится 25 минут... Хайль фюрер!

Мы уже давно продвигались по той части польской зем-

---

¹¹ «Свет – твоя смерть!» (нем.)

ли, которую фашисты присоединили к рейху и пытались насильно онемечить.

Форсировав реки Варту, Нетцё, войска Чуйкова окружили Познань. Подступы к окраинам преграждало мощное оборонительное кольцо фортов. Атаки разбивались о них. Приходилось блокировать форты и брать их штурмом.

Здесь, в Познани, 4 октября 1943 года Гиммлер заявил:

*Как проживают русские, как проживают чехи, мне совершенно безразлично. То, что есть у народа из хорошей крови нашего сорта, мы возьмем себе и, если понадобится, отберем детей и воспитаем сами. Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры; в ином смысле это меня не интересует*¹².

Познань – один из первых польских городов, захваченных немцами. Сюда в 1939 году вслед за немецкими дивизиями осваивать «провинцию Вартегау» кинулись тысячи немецких предпринимателей, партийных чиновников. Поляки были выброшены из всех мало-мальски приличных квартир. У них не было больше ни фабрик, ни магазинов, ни школ, ни личных вещей. Их улицы были переименованы, язык запрещен, памятники сброшены, костелы опоганены.

---

¹² Нюрнбергский процесс. Т. II. Приговор международного трибунала 1005. Первод Е.М. Ржевской отличается от приведенного в этом томе, т. е. она переводила сама или воспользовалась документом в служебном переводе.

В крепостные форты перевезли из Бремена цехи «Фокке-Вульф». Поляков угоняли на каторжные работы в Германию. Еврейское население было расстреляно на городской окраине.

Так торжествовал тут свою победу дух национал-социализма...

За каждую улицу Познани, за каждый дом, за лестничный пролет бились испытанные в уличных боях сталинградские штурмовые отряды. Помогали пушки, но исход боя решал всякий раз штурм, переходящий порой в рукопашную схватку. Над городом пылало зарево: теряя квартал за кварталом, немцы жгли и взрывали дома в центре. Теперь в их руках оставалась только познанская цитадель – древнее сооружение, рассчитанное на длительную оборону. Она возвышается над городом, охватывает большую площадь, кажется, два квадратных километра. На подступах к цитадели земля изрыта траншеями, за ними – крепостной вал и мощная стена.

Но остальные районы города очищены от оккупантов, и познанские пекари, портные, мясники вынесли на улицы в честь Красной армии свои цеховые знамена, которые больше пяти лет хранили, рискуя жизнью.

Школьники с трудом втиснулись в свои старые форменные курточки, и, хотя руки вылезали из рукавов, застежки не сходились, сердца их переполнялись гордостью: ведь хранение любой формы старой Польши каралось оккупантами.

Вышли на улицы любительские оркестры. Зазвучали национальные мелодии. Оркестрам горячо аплодировали за исполнение, а больше всего – за то, что они сохранились: играть им было запрещено – оккупанты боялись солидарности людей, которая возникает под влиянием родной музыки, и жестоко расправлялись с нарушителями. И квартеты, квинтеты, как маленькие подпольные организации, продолжали существовать тайно.

Городской магистрат приступил к работе. Вновь открылись польские школы, учреждения, начали работать магазины. А здесь же, в Познани, в цитадели, все еще оставалось десяти тысячное немецкое войско¹³ – остатки познанской группировки. День-другой они пытались обстреливать город, но их орудия подавили наши артиллеристы. Говорили, что подземными ходами, ведущими из крепости, немецкие солдаты проникают на центральные улицы, убивают людей и переодеваются в гражданское платье. Крепость осадили плотнее.

Вскоре о противнике в цитадели и вовсе стали забывать: в освобожденном городе было не до него. Армия генерала Чуйкова, выделив части для штурма цитадели, ушла дальше. Войска наступали уже за границами Бранденбурга и Померании. В те дни я была в группе фронтового подчинения, оставшейся в Познани.

---

¹³ Первоначальное число немецких солдат и офицеров в осажденной цитадели составляло около 40 тыс. Осада завершилась пленением 12 тыс.

Город Познань оставался все в более глубоком тылу наступающей армии. Уже форсировали Одер. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова с боями прошли четыреста километров за две недели. Красную армию отделяют от Берлина восемьдесят километров.

23 февраля познанская цитадель капитулировала. Командующий группировкой Коннель отдал приказ о прекращении сопротивления и застрелился. Многотысячной колонной растянулось по городу пленное войско. Брили во главе с комендантом крепости генерал-майором Маттерном одичавшие, изверившиеся, голодные, несчастные толпы в зеленых шинелях.

В среду 7 марта на Рыночной площади был отслужен молебен. На площади перед алтарем – плотный строй польских солдат. Ближе к алтарю белеют платочки сестер милосердия. Со всех балконов свешиваются ковры. По переулку бегут сюда мужчины и женщины. Площадь в едином порыве сливает голоса: высоко к пасмурному небу поднимается торжественная песня славы, благодарности и веры. Женщины с младенцами на руках выходят на балконы, чтобы присоединиться к хору. Они красивы, ясны и спокойны сейчас, как их католическая мадонна.

Позже на площади перед магистратом командующий польским войском принимал парад.

Трибуна вся в зелени. Принесли сбереженное знамя городской управы. По обе стороны знамени шли женщины-ор-

динарцы, опоясанные парчовыми красно-белыми полосами.

Пехота в касках, на русском трехгранном штыке – двухцветный флажок. Взвод противотанковых ружей.

Через толпу на тротуаре протиснулась женщина, держа высоко над головой букет цветов. Она выбежала на мостовую и отдала цветы командиру.

Взвод автоматчиков – тоже с флажками, за спинами меховые ранцы. Санитар с двумя санитарками замыкают строй.

Еще и еще повзводно идут автоматчики, по шесть в ряд. Впереди – командиры с букетами цветов, позади – санитар с санитарками.

Снова взвод автоматчиков, первый ряд – девушки. Показались тачанки. Теперь идет конница, в гривы вплетены двухцветные ленты. Гражданские организации со своими знаменами подходят к трибуне. Промаршировавший с воинской частью оркестр тоже остается у трибуны. Полощутся знамена: красное и бело-красное.

– Нех жие Армия Червона!

– Нех жие! – раздавалось с трибуны. Ребятишки и взрослые карабкались вверх по телеграфным столбам, на деревья, на ограду костела.

– Нех жие богатерски Познань!¹⁴

Мелькали над толпой шапки, летели к солдатам букеты оранжерейных цветов.

---

¹⁴ Да здравствует Красная армия! Да здравствует! Да здравствует геройская Познань! (*польск.*)

Главнокомандующий генерал Роля-Жимерский¹⁵ встречал марширующие части на мостовой перед трибуной – взволнованный, с заткнутым за борт шинели букетом. С ним рядом стоял высокий сухощавый начальник его штаба генерал Корчиц¹⁶. Колыхались знамена. Темно-красное знамя с головой коровы и скрещенными секирами держал рыжеусый мужчина с платком на шее – знаменосец цеха мясников. Знамя ППР¹⁷ – старик в синих очках. Тут же, у трибуны, молодой человек в поношенном сером пальто подносил к губам микрофон и, снимая шляпу при звуках гимна, вел репортаж.

Последними мимо трибуны прошли, грохоча, шесть танков. И только замер их грохот, над толпой пронесся изумленный, радостный возглас, подхваченный всеми: «Журавли! Журавли прилетели!»

Сняв шапки, закинув головы, люди уставились вверх, где в просветлевшем небе плыли над городом возвращавшиеся с юга журавли. Весна!

Когда у костела рассеялась толпа, снова стали видны братские могилы за оградой.

---

¹⁵ Михаил Роля-Жимерский (Michał Rola-Żymierski) – один из лидеров Польской коммунистической партии, военачальник. Был в 1945 году назначен Сталиным маршалом Польши.

¹⁶ Владислав Викентьевич Корчиц – советский военачальник, генерал-полковник (1945), генерал брони Войска Польского (1945). 4 октября 1944 года был назначен на должность командующего 1-й Польской армией.

¹⁷ Польская рабочая партия.

«Здесь погребен майор Судиловский Иван Фомич, рождения 1923 г., кавалер пяти орденов, павший смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при штурме гор. Познань 15.02.45 г. Вечная слава герою-штурмовику!»

Мглистой ночью или туманным рассветом, на солнечном дневном припеке или под низкими тучами – всюду, где выпадал привал: на гулких улицах чужих городов, на лесной опушке или на одерской равнине, – бойцы радовались передышке, шутили, думали о мирной жизни, надеялись вернуться домой с победой.

Шла по земле весна сорок пятого с ее пронзительной вестью о близком конце войны. Талые снега, хлябь, почерневшая кора деревьев, влажный ветер – всё в эти месяцы с особой силой пробуждало тягу к жизни.

А впереди – жестокие бои. Кому-то суждено дойти до победы, кому-то – сгореть в огне боев.

Два с лишним месяца пробыли мы в Познани, и за это время город менялся на глазах. Прежде всего он становился весенним. Это было как будто обычным делом природы, но многие наверняка запомнили дружную весну сорок пятого года на западе, с ее мягкими ветрами, приносящими запахи полей, впервые поднятых свободными польскими крестьянами, с нежной зеленью, с надеждами на мир, на труд.

Город восстанавливался. Он жил еще сурово, но по-весеннему оживленно. Уже висели по стенам домов штукатурки и

маляры в своих люльках. Трубочисты в черных цилиндрах и с полной выкладкой разъезжали на велосипедах. Спешили к звонку познанские школьники. Любой из них с прыгающим ранцем за спиной, повстречавшись, непременно скажет: «День добрый, пани лейтенант!»

Я жила в трехэтажном доме, в квартире польской семьи Бужинских.

Глава семьи Стефан Бужинский рано поутру, надев узкие брюки и залатанную куртку-спецовку, уходил на работу в депо. Его жена, пани Виктория, портниха по профессии, приобрела в последнее время заказчиц – наших девушек-регулирующих, проживающих в первом этаже того же дома. Им, стоявшим в эту весну на виду у всей Европы, требовалось тщательно, по фигуре, приладить свои гимнастерки. С утра до вечера, к радости приветливой и общительной пани Виктории, девушки тормозили ее.

Домашним хозяйством в семье занималась в основном дочь Алька. Красивая, медлительная, она небрежно передвигала грубые, ветхие стулья и вдруг замирала в глубоком раздумье с тряпкой в руках. Когда случалось при этом заглянуть в ее чудесные синие глаза, поражал контраст флегматичного внешнего облика с тем скрытым темпераментом, который выдавали глаза. Казалось, в душе ее дремлют горячие силы, выжидая своего часа. Чему отдаст их Алька?

Сын пани Виктории, круглолицый подросток с вьющейся

ся шевелюрой, любимец матери, ежедневно, уединясь за перегородкой, играл на скрипке. Его находили музыкально одаренным, и до войны учительница консерватории давала мальчику уроки, а за это пани Бужинская стирала белье учительницы и убирала ее квартиру. В годы оккупации мальчик мог играть на скрипке лишь тайком от немецкой полиции.

Как-то пани Бужинская поделилась со мной: она надеется, что теперь ее сын будет принят в музыкальное училище.

Отойдя немного от манекена, близоруко щуря усталые светлые глаза, когда-то, наверное, такие же синие, как у Альки, она внимательно изучала выточки, намеченные на талии гимнастерки и на плече.

Наша 3-я ударная армия генерал-полковника Кузнецова одна из первых ворвалась в Берлин и завязала уличные бои на северо-восточной окраине города. Мы с нетерпением ждали разрешения выехать из Познани.

В эти дни я иногда включала приемник, берлинскую радиостанцию. На этот раз, 23 апреля, глубокий, низкий женский голос говорил о верности отчизне, потом стройный, быстрый детский хор – «Мы никогда не забудем...». И вдруг – провал, тишина, затянувшаяся пауза. И наконец – настойчивый мужской голос: «Берлинскому гарнизону, всем берлинцам! Из главной квартиры фюрера сообщается: фюрер неотлучно находится в Берлине. Он стоит во главе войск, обороняющих столицу».

Сообщение передавалось дважды. Я тогда не могла предполагать, что через несколько дней окажусь в гуще таких событий в Берлине, что мне не раз придется мысленно возвращаться к этому сообщению: правдиво ли оно?

Наконец было получено распоряжение – всем нам вернуться в свои части.

С этим известием я выскочила на улицу, обогнула наш дом и свернула в ворота. Был поздний вечер. Во дворе чернели силуэты машин. Под одной то вспыхивал, то гаснул яркий свет фонаря.

Я окликнула Сергея.

Из-под машины высунулась рука с фонарем, потом выполз он сам, шофер Сергей, в голубом гестаповском мундире, служившем ему спецовкой.

Я сообщила ему, что мы выезжаем в Берлин и что велено к шести утра подготовить машины.

Сергей загасил фонарь, мы молча стояли в темноте.

Кто же в те дни не рвался в Берлин! Конечно, и Сергей тоже. Но мы больше двух месяцев простояли в Познани, а это на войне – целая жизнь, и Сергей, закружившийся в романе с познанской девушкой, успел тайно обвенчаться с нею в костеле, и на его добродушно-сосредоточенном лице с тех пор проступило вдруг что-то шальное, непутевое.

Он обтер руки о гестаповский мундир, чиркнул зажигалкой – побледневшее, скуластое лицо, насупленные брови, –

сказал, закуривая:

– А! Вшистко едно¹⁸ – война! – Так говорили в те дни в Познани.

На рассвете мы собирались в путь. Сергей бросил прощальный взгляд на старую «эмку», выкрашенную в дрянной, грязный маскировочный цвет, с неизменным красным кантом вдоль кузова и на ободьях колес, который он постоянно подновлял. В этой пробитой пулями, измятой машине он проездил четыре года войны.

Сергей вывел на мостовую свое новое детище – трофейный мощный «форд-восьмерку». Он вытащил его из кювета под Познанью и с вдохновением отремонтировал. Свежая черная краска улеглась буграми с серыми просветами, а вдоль кузова и по ободьям колес алела та же фатоватая полоска – знай наших!

Следом на мостовую вышел Ваня-таксомоторщик из Риги, угнанный немцами на работу в Познань. Он ежился в коротенькой, истлевшей замшевой курточке щеголеватого покроя и одобрительно оглядывал машину.

Отстегнув ремень, Сергей снял флягу со спиртом и отдал ему.

Сергей посмотрел на одну, потом на другую сторону улицы. На тротуаре маячила одинокая фигурка. Это была девочка в короткой клетчатой юбке, большеногая, повязанная платочком. Она напряженно следила за нашими приготовле-

---

¹⁸ Все равно (*польск.*).

ниями в дорогу.

Машины уже трогались с места. Сергей негромко сказал: – Иди домой. Кому говорят. Идзь же до дому...

Она повернулась и медленно пошла, то и дело оборачиваясь. Сергей постоял оцепенело, расправил складки гимнастерки под ремнем и рванул на себя дверцу машины.

Зажав под мышкой флягу, Ваня-таксомоторщик пригладил другой рукой редкие желтые волосы и помахал нам на прощание. «Форд» свирепо дернулся, но тут же выровнял ход, пошел плавно. Я сидела за спиной у Сергея. По сторонам улицы клубилась белая пена – цвели яблони. Город просыпался. Регулировщица у городской заставы подала знак, и шлагбаум поплыл вверх. Вышел из дому мальчишка с ранцем на спине, стянул приветственно кепчонку: «День добрый!»

Машина вышла на Берлинское шоссе. Сергей опустил стекло и снял фуражку.

В последние дни

Дорога на Берлин

«Deutschland liegt im Herzen Europas» – «Германия лежит в сердце Европы» – так досконально, а вместе с тем так поэтично было сказано в наших школьных учебниках¹⁹.

За Бирнбаумом – контрольно-пропускной пункт. Большая, наспех сколоченная арка: «Здесь была граница Германии».

Все, кто проезжал в эти дни по Берлинскому шоссе, читали, кроме этой, еще одну надпись, выведенную кем-то из солдат дегтем на ближайшем от арки полуразрушенном доме, – огромные корявые буквы: «Вот она, проклятая Германия!»

Четыре года шел солдат до этого места.

Пожары, руины – это война вернулась на землю, с которой она сошла. Ветер треплет простыни, полотенца на заборах, деревьях – белые флаги капитуляции.

А где-то вдали, за необработанными полями, как мираж, встают мирные мельницы.

Маленький полуразрушенный старый город. Война переместилась отсюда, а здесь приглушенно, едва уловимо пуль-

---

¹⁹ До войны в большинстве советских школ основным иностранным языком был немецкий.

сирует жизнь. На перекрестке, напротив серого особняка с вывеской «Dachdeckermeister» («Кровельщик»), на большом плакате парень в дубленом полушубке кричит: «Огонь в логово зверя!»

Город Ландсберг. В хлюпнувшем на тротуар бесколесом «опеле» лазают мальчишки с белыми повязками на рукаве. Наверное, играют в войну. Здесь много жителей, они навьючены тюками, толкают груженные детские коляски, и все до одного – и взрослые, и дети – с белой повязкой на левом рукаве. Я не представляла себе, что так бывает: вся страна надевает белые повязки капитуляции, – и не помню, чтобы читала о таком.

На уцелевшей улице Театерштрассе разукрашенная арка «Добро пожаловать!» – это сборный пункт советских граждан, угнанных в фашистскую неволю.

У шоссе на окраине города пожилой мужчина вскапывал землю. Мы остановились и вошли в дом. Хозяйка, уже привыкшая, должно быть, к таким, как мы, посетителям, предложила согреть кофе.

В этом домике, примостившемся у дороги войны, была уютнейшая, сверкающая чистотой кухня. На полках – недрогнувший строй пивных кружек. Топорщились фаянсовые юбки лукавой тетюшки, присевшей на буфете. Эта веселая безделушка подарена хозяйке на свадьбу, тридцать два года назад. Пробушевали две страшные войны, но цела фаянсовая тетюшка с надписью на фартуке: «Kaffee und Bier,

das lob'ich mir» («Кофе и пиво – вот что люблю мне»).

Мы вышли из дому. Муж хозяйки сажал в разрыхленную землю цветы. Он из года в год выращивает их на продажу. Мимо шли бронетранспортеры. Лязгали гусеницы...

Мальчишки в нарукавных белых тряпицах возили друг друга в тачке. Паренек в солдатском свитере болотного цвета насаживал лопату на черенок.

В небе висел немецкий разведчик – «рама». А на развилке служба ВАД²⁰ уже соорудила павильон для тех, кто передвигается по Германии на попутных машинах, и строго известила: «За езду по левой стороне водитель лишается прав». Смешно и мило. От этого предупреждения веяло непривычным бытом, резонными установлениями другого мира – мира, где нет войны.

Встречным потоком двигались по дорогам люди разных наций, обретшие свободу: французы, русские, англичане, поляки, итальянцы, бельгийцы, югославы... Военнопленные, узники концлагерей и застенков, невольники, угнанные сюда из Советского Союза, из всей Европы, на рабский труд, голод и гибель.

Изредка ехали в немецких фурах или на раздобытых велосипедах. Чаще – пешком, группами, под самодельным флагом своей страны. Кто в военной форме, кто в какой-то гражданской одежде, кто в полосатой куртке заключенного. Их приветственные восклицания, озаренные теплом, улыбкой

---

²⁰ Военно-автомобильных дорог.

лица, открытость чувств – незабываемы навсегда эти волнующие, щемящие сердце встречи.

Мимо кавалерийского полка, размещенного в прилегающей к шоссе деревне, мимо танковой бригады – резерва командующего, мимо придорожного плаката: «Вперед, победа близка!», обгоняя тяжело груженные боеприпасами машины, мы въехали в Кюстрин. Город на Одере, безлюдный, разваленный. «Ключ от ворот Берлина», – называли его немцы.

Большая площадь была теперь кладбищем окружавших ее прежде зданий. Мрачными глыбами камня надвигались они отовсюду. Стылали повисшие балки. Из проломов стен сыпалась каменная пыль. А посреди площади – чудом уцелевший памятник с бронзовой птицей сверху.

Боже мой, до чего же одиноко тут. И эта птица, нелепая, глупая, заносчивая, одна-одинешенька на страшном каменном пустыре.

Опять на шоссе. И опять поля и перелески, и на горизонте встают мельницы. Мечутся по полю некормленные, одичавшие свиньи.

Взорваны отступившим противником мосты, разрушены шоссеиные дороги, завалены разбитой техникой. Но идут с грузом автомашины, наматываются сотни километров трудного пути в глубь Германии.

Чего только не изведаль фронтальной водитель, по какому только бездорожью не тянул свой груз, на каких только переправах не тонул, в каких болотах не топ, от скольких бомб,

снарядов, мин он увернулся, чтобы на машине, изрешеченной пулями и осколками, прибыть сюда участвовать в последнем сражении!

Спустились сумерки, прикрывая от налета вражеской авиации, и движение на шоссе заметно усилилось. Танки, автомашины, самоходные пушки, бронетранспортеры, танки-«амфибии», конные обозы. Пехота на «студебеккерах» и в пешем строю. На стволах орудий, на башнях танков, на повозках мелькают надписи: «Даешь Берлин!»

Совсем стемнело, а движение все усиливалось. Ведь ночи короткие, надо успеть передвинуться. Ехали медленно, не зажигая фар, сбиваясь в пробки. Постреливали зенитки. С проселков подтягивались к шоссе пушки, танки, пехота.

Машины двигались по несколько в ряд, съезжали и шли целиной по сторонам дороги. И все лязгало, гроыхало, истошно сигналило, нахлестывало лошадей, норовя обогнать идущих впереди.

Ночь в Берлине

Центр Берлина горел, и огромные языки огня полыхали в небе. Освещенные ими многоэтажные дома, казалось, стоят совсем неподалеку, хотя на самом деле до них было несколько километров. Широкие снопы прожекторов поло-совали небо. Глухой рокот нестихающей артиллерии докаты-вался сюда. Здесь, в пригороде, еще стояли ошетилившиеся противотанковые надолбы врага, а наши танки уже рвались

к центру.

Этой же ночью в подземелье имперской канцелярии состоялось бракосочетание Гитлера. Когда впоследствии я узнала об этом, мне вспомнилось, как рушились стены выгоревших зданий, запах пожарищ, угрюмые надолбы, не могущие уже ни от чего защитить, и в темноте неумолимый гул танков, рвущихся к центру – к рейхстагу, к имперской канцелярии.

Я сидела на улице предместья на валявшейся пустой канистре у заколоченной витрины, под золотыми буквами вывески кондитерской «Franz Schulz Feinbackerei», ожидая, пока выяснится в штабе, где следует нам располагаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.